

с французским классицизмом, который очень высоко оценивался Достоевским, у меня создан необходимый фон для выяснения исторической роли Достоевского.

И я хотел бы вернуться к творчеству великого писателя, используя опыт, приобретенный мною при исследовании западноевропейской литературы 17—19 вв.»

Публикуемый фрагмент из главы об «Идиоте» посвящен душевному миру Мышкина и тем специфическим взаимоотношениям, которыми связаны группирующиеся вокруг него основные герои романа (Настасья Филипповна, Аглая, Рогожин).

ПУБЛИКАЦИИ

НЕИЗДАННЫЕ ПИСЬМА К ДОСТОЕВСКОМУ

Настоящая публикация — вторая из серии, запланированной Редакцией академического Полного собрания сочинений Достоевского (см. первую публикацию в сборнике: Достоевский и его время. Л., 1971, с. 250—279).

Письма печатаются по подлинникам, хранящимся в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР в Ленинграде.

Тексты писем подготовлены И. М. Юдиной. Комментарии составлены: Б. Ю. Улановской (А. И. Бахирев), И. М. Юдиной (А. Селевин, З. А. Сытина, Сельская учительница, П. В. Быков, К. Новицкий, Л. Ф. Суражевская, В. Ф. Соловьев), Т. А. Лапцкой (А. Арсеньев; А. П. Хитров, А. Порфирьев).

1

А. И. Бахирев — Достоевскому

8 февраля 1857 г.

8 февраля 1857 года».

Многоуважаемый Федор Михайлович,

Поздравляю Вас. Я душевно рад о производстве Вашем.¹ Это узнал из письма брата ко мне² и очень обрадовался и радуюсь. Радуюсь и тому, что Вы переводитесь в армию; искренно желал бы видеться с Вами. Я припомнил теперь, сколько раз Вы говорили мне о возвращении своем в Россию, желание Ваше исполнилось в скором времени.³ Дай бог здоровья тем, кому Вы обязаны. Возвращайтесь же скорее к родным своим, которые, я полагаю, ждут и не дождутся Вас, не видевшись столько времени с Вами.

Я часто вспоминаю о Вас. Всё ли еще сосед Вы добрейшего Дмитрия Ивановича, часто ли бываете у нашего отца, вспоминаете ли Вы и он обо мне. Я знаю и видел, что добрый Дмитрий

Иванович был доволен моим переводом в армию, и, прощаясь с ним, видел на его глазах скрытые слезы; я это никогда не могу забыть. Поступивши неблагородно с ним, не имеет ли худого мнения обо мне. Я не знаю, что меня влекло в армию. До сих пор не понимаю; мне было хорошо служить в Семипалатинске; мне и здесь хорошо, а другим моим землякам не нравится служба в армии; как говорится: верно, судьба моя.

Федор Михайлович, напишите что-нибудь мне, когда оставите Семипалатинск, и где будете служить, авось увидимся и в России, познакомившись на моей родине.

Еще раз поздравляю Вас, Федор Михайлович; теперь только желаю Вам отставки и покойной семейной жизни, а главное, здоровья.

Прощайте, Федор Михайлович.

Ваш знакомый
Алексей Бахирев.

Р. С. Федор Михайлович, извините меня за некоторые слова, напоминающие Вам про меня. Пишу — что мне придет в голову — прямо.

Алек<сей> Бахирев.

Печатается по подлиннику: ИРЛИ, ф. 100, № 29644.СХ16.2.

Алексей Иванович Бахирев — семипалатинский офицер. По свидетельству А. В. Скандина, образованные офицеры в батальоне были большой редкостью: «К такому приятному исключению нельзя не отнести молодого в то время Алексея Ивановича Бахирева (брата командира 1-й роты Андрея Ивановича Бахирева)». Он «считался тогда не только в батальонной офицерской семье, но и во всем семипалатинском обществе в числе шедеровых людей. Достоевский и Бахирев близко познакомились и даже одно время жили вместе, на одной квартире (дома этого, кажется, не существует). Федор Михайлович пользовался у Бахирева книгами и журналами» (Скандин А. В. Достоевский в Семипалатинске. — Исторический вестник, 1903, № 1, с. 216). Достоевский писал о Бахиреве П. Е. Апенковой 18 октября 1855 г.: «Податель письма моего, Алексей Иванович Бахирев, очень скромный и очень добрый молодой человек, простая и честная душа. Я знаю его уже полтора года и уверен, что не ошибаюсь в его качествах. <...> А. И. Бахирева я очень уважаю, но не во всем с ним откровенен» (П., I, 162—163).

¹ Достоевский был произведен в прапорщики 1 октября 1856 г.

² Андрей Иванович Бахирев, брат Алексея Ивановича, командир 1-й роты, в которой служил Достоевский. А. В. Скандин приводит высказывание Бахирева о Достоевском, который «отличался молодецкаватым видом и ловкостью приемов при вызове караулов». Особого внимания Бахирев на Достоевского не обращал. «„Нам не до Достоевского было: с этой собачьей службой — целые дни с площади не сходили“, — правдиво и добродушно говорил этот почтенный николаевский служака» (Исторический вестник, 1903, № 1, с. 203).

³ Достоевский выехал из Семипалатинска 2 июля 1859 г.

А. И. Селевин — Достоевскому

После 1868 г. Елизаветград

Милостивый государь Федор Михайлович,

Надеюсь, что Вы извините меня за беспокойство, которое и Вам причиню чтением моего письма. Я уже несколько раз собирался к Вам писать, но не хватало духу, боясь побеспокоить Вас, может быть, более нежели смешным письмом. Дело в том, что я перечитал все Ваши сочинения («Идиота» я перечитал чуть не сто раз и, кажется, никогда не перестану его читать) с таким восторгом, с таким болезненным (если можно так выразиться), лихорадочным чувством; столько передумал и перестрадал, что не могу не благодарить Вас за те мысли, идеи, которые я получил, благодаря чтению Ваших сочинений. Позвольте (если Вас это не обидит) послать Вам братский привет от незнакомого, но глубоко уважающего Вас

Александра Селевина.

Если Вы захотите когда-нибудь обрадовать меня хоть единою строчкою от Вас, то беру на себя смелость приложить свой адрес: В г. Елизаветград, Александру Ивановичу Селевину.

Печатается по подлиннику: ИРЛИ, ф. 100, № 29846.СХ16.11.

Александр Иванович Селевин (ум. 1910) — почитатель Достоевского, нотариус в Елизаветграде.

Письмо датируется по содержанию. Роман «Идиот» впервые был опубликован в «Русском вестнике» в 1868 г. Главы 8—12 четвертой части произведения вышли в виде приложения к «Русскому вестнику» в феврале 1869 г. Отдельное издание романа в двух томах появилось в 1874 г. Значит, письмо было написано после 1868 г.

З. А. Сытина — Достоевскому

24 сентября 1875 г. Станица Лепсинская
Семиреченской области

Многоуважаемый Федор Михайлович!

Вы будете очень удивлены, получа это письмо; наверно, в такое долгое время Вы и забыли прежних сибирских друзей Ваших; да и как же позабыть?.. 15-ть лет прошло с тех пор, как мы расстались с Вами! Но как бы ни давно это было, Вы, наверно, вспомните Артемия Ивановича Гейбовича и всё его семейство. Я, которая пишу Вам это письмо, — дочь его, Зинаида. Вся семья наша рассеялась. Отец умер в 1865 году в Сергио-

поме, обе сестры вышли давно замуж, живут — одна в Семипалатинске, другая — в Караколе. А я с матерью² после смерти отца уехала в Омск, но недолго мы прожили вместе, маменька умерла в 1871 году. Перед смертью просила меня разыскать Ваш адрес и передать Вам ее последнее прощанье и пожелать Вам счастья и всё то, что может пожелать самый искренний и добрый друг.

Часто, очень часто мы вспоминали о Вас. Маменька рассказывала нам про все хорошие минуты, проведенные с Вами. И теперь, когда всё семейство наше рассеялось: отец и мать умерли, мы все три замужем. Но я уверена, что в каждом из трех семейств навсегда сохранится воспоминание о Вас.

Простите меня, многоуважаемый Федор Михайлович, что я пишу Вам. Может быть, Вам и некогда читать мое безграмотное письмо, но я знаю, Вы добры и простите, узнавши, что я пишу, исполняя последнюю просьбу моей умирающей матери.

Еще раз простите. Не смею просить Вас писать мне, хорошо я знаю, что у Вас нет лишнего времени вести совсем ненужную переписку. Я буду и тем счастлива, что Вы, читая мое письмо, вспомните всегда глубоко уважающую Вас

Зинаиду Сытину.

24 сентября 1875 г.
Станица Лепсинская Семипалатинской области.

Р. С. Живя в Омске, мы слышали что наша добрая, уважаемая Мария Дмитриевна умерла, подай бог, чтобы это был ложный слух.³

З.С.

Печатается по подлиннику: ИРЛИ, ф. 100, № 29866.СХ16.11. Упоминается А. С. Долиным в комментариях к письмам Достоевского (см.: П., I, 549).

Сытина (урожд. Гейбович) Зинаида Артемьевна — дочь одного из сибирских друзей Достоевского, А. И. Гейбовича, ротного командира 7-го Сибирского линейного батальона, непосредственного начальника Достоевского в годы пребывания писателя в Семипалатинске. О знакомстве с Достоевским З. А. Сытина рассказывала в своих воспоминаниях: «Известный наш писатель Федор Михайлович Достоевский, отбыв установленный срок в омском крепостном остроге, был определен на службу рядовым в 7-й линейный батальон, расположенный в городе Семипалатинске. Получив вскоре первый чин прапорщика, он женился на вдове Марье Дмитриевне Исаевой. Я в первый раз увидела Федора Михайловича, когда он с молодой женой приехал с визитом к моему отцу, Артемию Ивановичу Гейбовичу, который был его ротным командиром; мне было тогда десять лет» (Сытина З. А. Из воспоминаний о Ф. М. Достоевском. — Исторический вестник, 1885, № 1, с. 123).

Указанные воспоминания и сохранившаяся переписка свидетельствуют о теплых дружеских отношениях, в которых находилась семья Достоевского и Гейбовича в течение всего времени пребывания писателя в ссылке.

Перед выездом из Семипалатинска Достоевский подарил Гейбовичу большую часть своей библиотеки, свой портрет и многие личные вещи.

В письме к Гейбовичу от 23 октября 1859 г. уже из Твери он писал: «Добрейший и незабвенный друг наш, благороднейший Артемий Иванович, не стану перед вами оправдываться в долгом молчании <...>. Я и жена, мы вас и всё милое семейство ваше не только не забывали, но, кажется, не проходило дня, чтоб не вспомнили об вас и вспоминали с горячим сердцем. <...> чтоб я мог вас когда забыть — и не думайте этого! На свете, может быть, нет вам преданнее и более вас уважающего человека, чем я!» Письмо заканчивалось просьбой писать подробнее обо всем семействе Гейбовича, и, в особенности, о Зинаиде Артемьевне и Елизавете Никитичне: «...что они делают, чем занимаются, помнят ли нас? Скажите им, что я целую им ручки и прошу не сердиться, что до сих пор не прислал им писем и теперь не пишу. В очень скором времени пришлю им письма особо» (П., I, 269, 273 и 276).

¹ Достоевский выехал из Семипалатинска 2 июля 1859 г.

² Речь идет о Прасковье Михайловне (или Никитичне) Гейбович (см.: П., I, 273, 276, 277).

³ Имеется в виду первая жена Достоевского — Мария Дмитриевна (р. 1825 или 1826 — ум. 1864).

4

Сельская учительница — Достоевскому

10 июля 1876 г. Царское Село

10 июля 1876 г.

Глубокоуважаемый, дорогой писатель,

Назовите это письмо эксцентричностью, аффектом, — как хотите, но я не могу удержаться, чтобы не выразить Вам, не имея счастья лично знать Вас, того чувства, которое вызвала во мне Ваша статья о смерти Жорж Санд.¹ Та сила симпатичности, с которою Вы отозвались о Жорж Санд и ее святых произведениях, действовала на меня электрически: к несчастью, я так мало встречала людей, которые могли бы так глубоко понимать личность и умели бы так честно оценивать ее деяния.

Примите же, уважаемый писатель, выражение самой искренней признательности за то хорошее чувство, какое я испытывала, читая Вашу статью.

Крепко жму вашу руку.

Сельская учительница.

На конверте:

В С.-Петербург.

Греческий проспект, подле Греческой церкви,

д. Струбинского, кв. № 6.

Федору Михайловичу Достоевскому.

Печатается по подлиннику: ИРЛИ, ф. 100, № 29940.СХХ16.15. Копия письма (не полностью; опущен конец) приведена в письме А. Г. Достоевской к мужу от 15 июля 1876 г. А. Г. Достоевская писала: «Тебе пришло два письма: одно от одного провинциала с грубыми примечаниями на твои статьи (не стоит пересылать), другое из Царского Села, которое и выписываю» (П., III, 367).

¹ Имеется в виду статья в июньском выпуске «Дневника писателя» за 1876 г., гл. I, вызванная смертью великой французской романистки Ж. Санд (умерла 27 мая (8 июня)). Достоевский указал на исключительное место Жорж Санд не только в истории русской художественной литературы, но и в истории русской общественной мысли. «Жорж Санд, — по его словам, — одна из самых ясновидящих предчувственниц <...> более счастливого будущего, ожидающего человечество, в достижении идеалов которого она бодро и великодушно верила всю жизнь» (XI, 314).

5

П. В. Быков — Достоевскому

30 сентября 1876 г. Екатеринослав

Милостивый государь, глубокоуважаемый Федор Михайлович!

Из последнего выпуска Вашего «Дневника писателя» я заключаю, что Вы уже воротились из Эмса в Россию, а потому я и осмеливаюсь напомнить Вам о себе, о том любезном обещании Вашем, которое Вы дали мне, отвечая на письмо мое, где я обратился с покорнейшей просьбой, — доставить мне материалы для Вашего биографического очерка. Между прочим, Вы отвечали мне следующее: «... летом, в июле, я, вероятно, буду в Эмсе, где буду лечить мою грудь и там составлю Вам мою биографию — и такую, какой еще нигде не бывало, хотя и не бог знает какую длинную (в 1½ листа печатных), напишу *по-своему*, так, как не пишут биографий литераторов в лексиконах. С этим материалом и сделаете что Вам угодно...»

Итак, глубокоуважаемый Федор Михайлович, позвольте надеяться на исполнение обещания Вашего: жду присылки упомянутого материала с большим нетерпением и интересом, — с тем интересом, с каким я постоянно читаю Ваш «Дневник писателя», доставляющий мне истинное наслаждение.

В ожидании ответа прошу принять уверение в полнейшем уважении покорнейшего слуги и поклонника таланта Вашего

Петра Быкова.

1876 г. 30 сентября.

Адрес: В Екатеринослав, его в<ысоко>родию Петру Васильевичу Быкову.

P. S. Вами обещана мне также и фотографическая карточка Ваша.

302

Печатается по подлиннику: ИРЛИ, ф. 100, № 29655.СХХ16.2. Упомянуто в книге: Быков П. В. Силуэты далекого прошлого. М.—Л., 1930, с. 55; небольшой отрывок из письма опубликован: П., III, 376.

Быков Петр Васильевич (1843—1930) — поэт, критик и библиограф. Печататься начал с 1861 г. С 1860 г. собирал биографии литературных деятелей и составил «Опыт словаря русских писателей». Многие из написанных им биографических очерков были напечатаны в разных иллюстрированных журналах, изданных под его редакцией. Очевидно, для такого же очерка потребовались ему от Достоевского сведения биографического характера и портрет писателя.

Первая встреча Быкова с писателем имела место в 1861 г. в редакции журнала «Время». Достоевский дал ему рекомендательные письма в «Русский мир» и «Русское слово». В одну из последующих встреч Быков попросил Достоевского продиктовать ему «несколько данных из его жизни до и после каторги». Дав Быкову «самые незначительные сведения», Достоевский обещал «когда-нибудь» продиктовать ему «много интересного и поучительного». «Теперь, — говорил он, — не пришло еще время... Жду давности. Пусть немного уляжется в сердце... Обещаю Вам исполнить Ваше желание. Напомните только мне о моем обещании» (Быков П. В. Силуэты далекого прошлого, с. 52—53). На протяжении ряда лет Быков неоднократно напоминал Достоевскому о его словах, но всякий раз получал один и тот же ответ: «не пришло еще время», «надо с силами бороться» (там же, с. 53). Весной 1876 г. Быков вновь обратился к Достоевскому. В ответном письме от 15 апреля Достоевский сообщал, что долго не отвечал, так как «или был занят, или псевдорозов». «Что касается до Вашего предложения прислать Вам мою точную биографию, — говорилось в письме, — то прямо Вам заявляю, что в настоящее время я к тому не способен. Это возьмет у меня много времени и даже труда, и это для меня не так мало, как Вы думаете». Достоевский обещал Быкову составить свою биографию летом. Предполагив, что после этого писатель уехал в Эмс, Быков «только осплю» послал ему письмо в Петербург (имеется в виду публикуемое письмо, — И. Ю.) и спустя три месяца получил желанный ответ (Быков П. В. Силуэты далекого прошлого, с. 55). В ответном письме от 13 января 1877 г. Достоевский писал ему: «Я не знаю, как и извиняться перед Вами в том, что не сдержал данного Вам мною обещания и даже не ответил на любезное письмо Ваше от 30 сентября <...> Не исполнив обещанного летом и получив Ваше напоминание в октябре, я решился непременно написать для Вас мою автобиографию, хоть урывками и в разные сроки» (П., III, 254).

По свидетельству Быкова, Достоевский повестил его после своего возвращения в Петербург, принесл ему часть биографии, и тогда же многое передал устно, обещав досказать остальное «когда-нибудь». «Но, — заключает Быков свои воспоминания, — досказать Федору Михайловичу не пришлось, хотя после этого памятного вечера он прожил еще около четырех лет, в течение которых мы с ним время от времени встречались» (Быков П. В. Силуэты далекого прошлого, с. 56).

6

К. Новицкий — Достоевскому

21 октября 1876 г.

Милостивый государь Федор Михайлович!

Дерзаю потревожить Вас на несколько минут.

Простите мне за это и будьте благосклонны ко мне, круглому сироте, предоставленному самому себе. Я брошен людьми на волю

20*

303

обстоятельств, без всяких средств к жизни. В пользу воспитания моего великим постом, 9 марта, был концерт в зале придворно-певческой капеллы. Вы удостоили принять на него билет и осчастливили своим посещением. Всю жизнь я буду помнить это и буду благодарить Вас. Собранные деньги 209 рублей пошли все до копейки на учителей и жизнь. Всё это лето я готовился в морское училище, но, к несчастью, экзамен сдал неудовлетворительно и поэтому не был принят.

Постоянная бедность и лишения тормозили мое развитие и так печально отразились на моих баллах.

Горе мое велико, отчаяние полное.

При этом несчастье у меня нет в настоящее время даже постоянного пристанища.

Ни родных, ни знакомых таких, которые бы помогли мне; всем чужой и всё мне чужое, кроме дорогих могил на Митрофаньевском кладбище. От голоду и холоду сочатся кровавые слезы и сердце наполняется желчью. Что будет далее — не знаю. Написал к тетке в Москву, ожидаю от нее помощи. Теперь же решаюсь просить Вас, добрый, обожаемый Федор Михайлович, о помощи. Одни Вы можете понять мое отчаянное положение. Читая Вашего «Подростка»,¹ я заливался горькими слезами. «Мальчик на елке у Христа»² породил во мне истерические припадки. Есть у нас общество покровительства животных, но нет общества для помощи людям, голодающим по целым суткам, как я например. Нельзя же мне обратиться в Комитет для разбора нищих. А между тем есть хочется. Бога ради, не откажите мне в 3-х рублях, которые дадут возможность прожить, не голодая, до помощи от тетки.

С благоговейной благодарностью возвращу Вашей особе просимое впоследствии.

Не гневайтесь на меня за это, я в ужасном положении.

Как вышлет тетка деньги, поеду в Москву и буду готовиться в университет. С благоговением, которое питает перед Вами вся образованная Россия, имею честь быть

Ваш, милостивый государь, покорный слуга
Константин Новецкий.

18 $\frac{21}{10}$ 76.

Печатается по подлиннику: ИРЛИ, ф. 100, № 29792.ССХ16.8.

Новецкий Константин — читатель; других сведений о нем нет.

¹ Роман «Подросток» печатался в «Отечественных записках» в 1875 г. (№ 1, 2, 4, 5, 9, 11 и 12). В начале 1876 г. вышел отдельным изданием.

² Имеется в виду рассказ Достоевского «Мальчик у Христа на елке», появившийся в январском выпуске «Дневника писателя» за 1876 г. (гл. II, § 2).

А. Арсеньев — Достоевскому

20 ноября 1876 г. Петербург

Милостивый государь Федор Михайлович!

Вчера я имел честь быть у Вас и теперь спешу точнее объяснить причину моего посещения, которое могло показаться Вам довольно странным. Я хотел лично выразить Вам мою глубокую признательность за то утешение, которое доставило мне чтение Ваших статей, помещенных в сентябрьской и октябрьской книжке «Дневника писателя», по поводу нашего народного, славянского движения.¹

Людам, которые верят в славянское дело, а еще более тем из них, которым удалось принять хотя маленькое участие в неравной борьбе славян с турками, тяжело встречать повсюду одно только холодное резонерство окружающего их общества. Только успех мог бы оказаться достаточным доводом против такого резонерства; но успеха мы не имеем.

А тут еще масса возвращающихся добровольцев, под влиянием пудачи и многих неблагоприятных обстоятельств, вносят в общество убеждение в окончательной гибели идеи славянского единства; в полном отсутствии симпатий славян к России, в бесполезности всяких попыток со стороны русских людей поднять дух сербского народа; таким образом, эти добровольцы сами дают еще более веское оружие в руки резонеров.²

Выслушивать всё это тяжело, разубеждать невозможно.

При подобных обстоятельствах статьи Ваши, полные энергии, веры и задушевности, доставили мне, верующему в славянское дело и имевшему счастье быть в нем действующим лицом, хотя и совершенно незаметным,³ истинное утешение и отраду, такое утешение, что я счел своею обязанностью лично выразить Вам мою сердечную признательность и чувство глубочайшего к Вам уважения. Ведь сочувственными и ободряющими словами мы в настоящее время не избалованы.

Смею надеяться, милостивый государь, что Вы не подвергнете сомнению искренность моих выражений.

Вот единственная причина, по которой я позволил себе беспокоить Вас своим посещением.

С истинным почтением и совершенною преданностью имею честь быть

Ваш, милостивый государь, покорнейший слуга
Алексей Арсеньев.

С.-Петербург.
20 ноября 1876 года.

Арсеньев Алексей — лицо неустановленное, читатель «Дневника писателя».

¹ Славянскому движению был целиком посвящен сентябрьский выпуск «Дневника писателя» за 1876 г., а в октябрьском выпуске — гл. I, § 2, и гл. II, § 4, 2. Автор оценивал это движение как «почти беспримерное в других народах по своему самоотвержению и бескорыстию, по благоговейной религиозной жажде *пострадать за правое дело*» (октябрь, гл. II, § 1). Он восхищался «прекрасным и великодушным чувством бескорыстной и великодушной помощи <...> своим братьям», объединившим все русское общество — от «самого образованного человека» до «последнего мужика» (сентябрь, гл. I, § 4). Достоевский верил в «естественность, законность», «неизменяемость нравственного приобщения славян к России, рано ли, поздно ли» (там же, § 3). На пути этого «приобщения» стоят, конечно, опасения и предубеждения славянских народов. Но «всё убедятся же они когда-нибудь, что помощь русская была бескорыстная...» (октябрь, гл. II, § 2). Достоевский считал основаниями «приобщения» единую веру, т. е. православие, понимаемое не как «церковность и обрядность», но как «живое чувство, обратившееся у народа нашего в одну из тех <...> живых сил, без которых не живут нации» (сентябрь, гл. II, § 3), и пролитую за славян русскую кровь.

² См. примеч. 3 и 4 к письму Д.

³ Сведенной об участии А. Арсеньева в славянском движении обнаружить не удалось.

8

Л. Ф. Суражевская — Достоевскому

17 декабря 1876 г. Тверь

Мыслящий человек всегда всё делает обдуманно, с целью, не так ли? Я бы хотела понять Вашу цель, когда Вы пишете Ваш «Дневник писателя», т. е. цель именно как писателя? Я ее не понимаю. Быть может, большою смелостью покажется такой прямой запрос, но я потому позволяю его себе, что принадлежу к самым внимательным слушательницам Вашим и хотелось бы верить тому, кого слушаешь так напряженно. Вы хорошо говорите, т. е. Вы плачете хорошо и других плакать заставляете, только я желала бы знать, насколько и легче ли Вам от этих слез? Ведь Вы же правду говорите, Вы не кокетничаете впечатлительностью, Вы всё это знаете, видели, чувствовали, что пишете, или как? Вы придумываете Ваш «Дневник», или это пишется так горяча, что, как настоящий «Дневник», само пишется? Ведь всё время Вы бьете одну и ту же ноту, во всем всё то же построение: мне кажется, недовольство жизнью, тягота жизнью, потребность другой, лучшей? Не за себя, может быть, а вот за тех самоубийц, что бросаются с окон с образами, да еще после молитвы,¹ за тех, что стреляются, не понимая зачем и за что они пущены в мир, так несправедливо лишены возможности устроить жизнь свою, слезами и тоскою расплачиваясь за каждое светлое мгновение,² за бесконечные страдания не получая и грошоваго вознаграждения,

Зачем дано понимание жизни, т. е. которой нет, по могла бы быть, зачем мысль дана человеку без возможности додуматься до чего-нибудь спокойного, утешительного? Вот Боборыкин много грустностей наговорил, а все-таки сказал одно дельное слово: надо жить без жизни, т. е. надо брать первое дело, первую службу, и хоть как тошно бы ни было, а всё же нужно ждать и дожидаться, чтоб стерпелось, слюбилося. Счастье — это мечта досужных людей. Это ужасный ответ, но всё же какой ни на есть, а ответ.³ Вы же только душу надрываете и другим, да, верно, и себе. Живешь себе, утешаешься, что не всем так холодно и жутко, есть же где-нибудь счастливые, смеющиеся, радостные, а Вы вот и придете сказать, что и там, и везде-то, везде всё те же думы, та же тревога. Себя не хочется слушать, от себя убежать ищешь, а Вы подсказываете чужие, но знакомые вопросы, чужие глаза показывают Вы, а в них свое, знакомое недоумение: зачем жить, как жить. А Вы думали ли когда-нибудь так, Вы умеете ответить? Неужели Вы тоже только спрашиваете, неужели всё смысл жизни терпеть, в надежде, что претерпевший до конца — спасется? Отчего Вы ни разу не проговорились ответною мыслью, хоть бы в виде предположения. «В русской жизни можно только давать, ничего себе не требуя», — еще говорит Боборыкин, но если все будут давать, то кому же!

Вот Вы письмо самоубийцы напечатали,⁴ еще «Кроткую»,⁵ о детях тоже много говорили,⁶ и всё это я знаю, всё это давно живет во мне, сказать только не умела, да и почему было, а Вы вот сказали, почти всё сказали, а ответить я не умела, и Вы тоже не ответили. Как жить? Как это так воспитать ребенка, чтоб у него не было этого вопроса, чтобы уберечь его от жизненных ударов и морозов, от самоубийства, от жизни, короче говоря. Трудно родить ребенка, воспитать его еще труднее, а матери воспитывать свое дитя почти невозможно. Надо быть холодной, апатичной, бесчувственной, чтоб быть хорошей воспитательницей, а главное, не надо любить дитя. Я потому всё это говорю, что у меня и родные, и перодные дети и всех их я ненавижу. Ненавижу за то, что дала им жизнь, которой сама не знаю, не понимаю; ненавижу за то, что должна руководить их, вести их, а себя самую чувствую совершенно так же, как пьяный человек, которому нужно пройти по одной дощечке без всякой опоры. Я бы хотела для них другой, далекой, до меня не дошедшей жизни, от пустоты нравственной хотела бы сберечь их, хотела бы, чтоб они могли прошлое вспомнить, в будущем ждать.

Как я могу научить жить, когда я не умею, не понимаю, как сделать, чтоб не желать, не волноваться, не требовать; как я могу воспитывать, сблизиться с детьми, войти в их жизнь, интересовать их маленькими интересами, когда столько перешептываю, неясного у меня самой; как я могу говорить детским языком, когда всё во мне возмущается, кричит нечеловеческим криком. Мос дитя! А ни одному из них я не могу прибавить ни од-

ного часа счастья, не властна ни одного из них спасти от мыслей и участи Вашей Кроткой. Она еще была счастливее: у нее не было камня за плечами, не тянулись за ней детские руки, не говорила она себе, что должна жить. Решила — не могу — и бросилась, а не пришлось все-таки назад вернуться, повторять себе «не могу, не могу и — буду, не могу, не могу и — должна»; и до конца, до самого конца всё то же, то же и то же.

Марфа Тимофеевна в «Дворянском гнезде» думала, что мухи счастливые, а как услышала, как они пищат у паука, так поняла, что и на них есть горе.⁷ А я детей всё счастливыми считала, думала, что верно это, что счастливая пора детства, а как пристроиться к ним, такие они горемычные, злобы в них вот, только и всё тут их счастье. Мыторятся над ними и злобу срывают, за свое собственное бессилие перед ними, да их же бьют, давят, давят и гнут их.

Пожалуйста, Вы простите мою навязчивую откровенность, но моя мать умерла, с отцом я далека, а муж и все офицеры не такие: я им ничего не скажу; я их не люблю, их мнения не жду, не хочу и не боюсь. А Вас я давно слушаю, и Вы хорошим мне показались. Пожалуйста, удержитесь, не улыбайтесь на эту дикую мысль писать Вам: мне очень было трудно решиться говорить и не сумела я; мыслей гораздо больше, но они одна другую прогоняют, одну за другою я их теряю; я и вообще, когда в обществе говорю, так мне трудно следить за собою: тяжело одолевает меня мысль, как выбрать меньшее зло, как избежать всего, чего я не сумела избежать. Ведь один шаг, одно слово — и потерянного никогда не воротишь, а слом и вывихи трудно заживают.

У меня большая просьба до Вас, и, будьте добры, не откажите мне: пожалуйста, пришлите Вашу карточку; я тогда узнаю Вас поближе, пойму, как Вы слушать меня будете, узнаю, верите ли Вы тому, что пишете. Скабичевский⁸ говорит, что писатели всё преувеличивают только вследствие своей впечатлительности; Вы тоже так или Вы зачастую нарочно раздражаете себя, не совсем сами себе верите?

Я не могу сказать Вам имени моего, потому что всё это, быть может, глупо покажется Вам, а я Вас совсем не знаю, но если Вы пришлете, то в Тверь, до востребования, г-же Элес. Это первоначальные буквы моего имени и фамилии. Сделайте это; я не смею просить Вас сказать мне что-нибудь.

Нет, вот что скажите мне; пожалуйста, счастливы ли Вы, есть ли у Вас цель в жизни, знаете ли Вы, зачем Вы живете и для чего? Не надо мне знать, в чем именно счастье или несчастье, а только есть ли то или другое.

А потом: читали ли Вы «Анну Каренину»?⁹ Вы ее оправдываете? Соню Мармеладову Вы защищаете, а для Анны Карениной есть у Вас теплое слово? Оправдываете ли Вы любовь замужней женщины — женщины-матери? Да? Это я не то чтобы про себя, а потому, что у меня это тоже вопрос нерешенный. Его еще никто

не затрагивает. Говорят много и много рисуют таких, как Каренина, по совсем другое дело женщина, оставляющая мужа, и женщина, живущая с ним, любя другого, изменяя ему. Не так ли? Смирнова¹⁰ пробовала, да у нее так ничего и не вышло. Женщина должна терпеть, если вышла замуж, даже если жизнь ее не по силам тяжела?

Человек усталый, измученный, каторжник после долгой пытки преступил, если потихоньку, не в урочный час, когда еще не назначен ему отдых, положит голову на подставленную ему подушку и немного даст себе заснуть, забыться? О, не совсем ведь, но изредка, немного, чтоб потом опять идти на ту же гору, за тою же работою. Женщина, если соглашается слушать любовную, колыбельную песню, если за спиною мужа она дышит несколько минут вольнее, позволяет голове и душе отдохнуть, она преступна? Да? Она ведь опять вернется, наденет маску и по-прежнему явится послушною женою и добродетельной матерью. Ее души ведь муж не замечает, в ней ничего не теряет и безмятежно счастлив. И все-таки она преступна? Это справедливо? Так или нет?

А еще: если мужчина любит замужнюю женщину, видит ее к себе расположением и говорит ей о любви, зная ее отношения к мужу, он уважает ее? Если женатый любит замужнюю и говорят друг другу? То это что?

Много, много, и всего не пересказать, но это главное; это всё близкое, здесь, возле меня и со мною. Скажите, а Вам повезло? Скажите, потому что мне некого спросить. В целом мире у меня была моя мать, но она умерла, и одиночество ужасно; всё это душист меня, а ее нет, не к кому прийти; и сколько бы я ни смотрела вокруг себя, сколько бы ни думала, всё, всё по-прежнему темно, неясно как-то, зачем ее отняли у меня и куда она ушла.

Не смейтесь тому, что я наговорила, и, если можете уделить мне минутку, скажите что-нибудь. Вы можете? Верно, можете, Вы знаете. Хотите ли только; быть может, просто не стоит ничего и отвечать. Вам всё это смешно и глупо показаться может, но я не смеюсь, не мелочи это для меня; да вспомните, ведь и червяк, умирая, страдает по-своему не меньше большого животного.

Я вот о Прудоне¹¹ читала и сначала было подумала, что если уж он страдал, то что я-то ропщу; а потом сама на себя возмутилась за эту мысль: ведь если страдания и сомнения были больше, так зато же и ум был тверже и силы сильнее. Напишите ли?

Вы теперь должны знать, что я Вас уважаю.

Л. С.

Печатается по подлиннику: ИРЛИ, ф. 100, № 29938.СХ16.15.

Суражевская Любовь Филипповна — читательница из Твери (см. письмо 11).

¹ Имеется в виду описанный в октябрьском выпуске «Дневника писателя» за 1876 г. факт самоубийства молодой швеи, выбросившейся из

окна четвертого этажа, «держа в руках образ» (гл. I, § III, «Два самоубийства»). Этот случай получил художественное преломление в рассказе Достоевского «Кроткая».

² Перефразированные строки из стихотворения М. Ю. Лермонтова «Отчего» («Мне грустно потому, что я тебя люблю...») (1840):

Я знаю: молодость преступную твою
Не пощадит молвы коварное гоненье.
За каждый светлый миг иль сладкое мгновенье
Слезами и тоской заплачешь ты судьбе...

³ П. Д. Боборыкин (1836—1924) ко времени написания Суражеской письма к Достоевскому был автором ряда романов, повестей, рассказов, а также многочисленных критических и публицистических статей, фельетонов и т. д. Писатель считался современниками «отметчиком» только еще нарождающихся общественных явлений и фактов. В частности, в его романах «Жертва вечерняя» (1868), «Солидные добродетели» (1870), «Дельцы» (1872—1873) получила отражение бытовавшая в то время теория «малых дел». Очевидно, эту сторону произведений Боборыкина и имела в виду Суражеская. Комментируемые строки, возможно, были написаны ею непосредственно под впечатлением от прочтения статьи «Беллетристы-фотографы. («Николай Пегов, благополучный россиянин» Куцевского. «Солидные добродетели» П. Боборыкина. «Огонек». «Соль земли» Смирновой)», опубликованной в одиннадцатом номере «Отечественных записок» за 1873 г. «Теперь не время служить мировым задачам, теперь время скромного труженичества, которое должно готовить решение этих задач — вот что хочет сказать автор», — говорится в статье в связи с романом Боборыкина (Отечественные записки, 1873, № 11, с. 25).

⁴ Речь идет о § IV («Приговор») первой главы октябрьского выпуска «Дневника писателя» за 1876 г. и о § II («Запоздавшее правоучение») и III («Голосовые утверждения») первой главы декабрьского выпуска.

⁵ «Кроткая. (Фантастический рассказ)» был напечатан в ноябрьском выпуске «Дневника писателя» за 1876 г.

⁶ Очевидно, имеется в виду январский выпуск «Дневника писателя» за 1876 г.

⁷ Имеется в виду конец гл. XLIII романа И. С. Тургенева «Дворянское гнездо» — сцена последнего свидания Лизы с Лаврецким в комнате Марфы Тимофеевны. По уходе Лизы, прощаясь с Лаврецким, Марфа Тимофеевна говорит ему: «Ох, душа моя, тяжело тебе, знаю; да ведь и всем не легко. Уж на что я, бывало, завидовала мухам: вот, думала я, кому хорошо на свете пожить; да услышала раз ночью, как муха у паука в лапках ноет, — пет, думаю, и на них есть гроза. Что делать, Федя...» (Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем. Соч. Т. 7. М.—Л., 1964, с. 274—275).

⁸ Имеется в виду статья критика и историка литературы народнического направления А. М. Скабичевского (1838—1910) «Беседы о русской словесности. (Критические письма)» (Отечественные записки, 1876, № 11, отд. II, с. 1—33).

⁹ Роман Л. Н. Толстого «Анна Каренина» печатался в журнале «Русский вестник» в 1875—1877 гг. Последняя, восьмая, часть вышла отдельным изданием в 1877 г. Как бы отвечая на вопрос этой читательницы, Достоевский посвящает «Анне Карениной» февральский выпуск (гл. II) и весь июльско-августовский выпуск своего «Дневника писателя» за 1877 г. (гл. I—III).

¹⁰ Возможно, Суражеская имеет в виду судьбу героини романа С. И. Смирновой «Сила характера» (Отечественные записки, 1876, № 2—5), рецензия на который появилась в «С.-Петербургских ведомостях» от 12 (24) июня. Содержание романа составляет рассказ о слепой, ослепшей на лице и обмане любовной страсти. Героиня романа вступила

в интригу с братом своего мужа, что привело в итоге к трагической гибели обоих.

¹¹ В 1872 г. в Париже посмертно была опубликована незавершенная работа критика и писателя Ш.-О. Сент-Бёва, посвященная Прудону (P.-J. Proudhon. Sa vie et sa correspondance 1838—1848. Par C.-A. Sainte-Beuve, de l'Académie Française. Paris, 1872). В 1873 г. сообщение об этой работе появилось и в русской печати (Вестник Европы, 1873, № 3, с. 419—436). А в полбъромском номере «Отечественных записок» за тот же год (с. 35—96) была напечатана статья А. Н. Плещеева «Жизнь и переписка Прудона», автор которой ознакомил читателей с содержанием книги Сент-Бёва, широко цитируя приведенные в ней письма Прудона. Вырисовывалась картина многотрудной жизни Прудона, полной лишений и страданий. В 1875 г., в связи с выходом из печати восьмитомного собрания писем Прудона, в журнале «Вестник Европы» (№ 3, 5, 7—12) печатались этюды Д-ева (П. Д. Боборыкина), озаглавленные «Пьер-Жозеф Прудон в письмах (Correspondance de P.-J. Proudhon, précédée d'une Notice sur P.-J. Proudhon par J.-A. Langlois. Paris, A. Lacroix et Cie, 1875. Tomes I—VIII)». В «Статье первой», опубликованной в мартовском номере, говоря о книге Сент-Бёва, автор подчеркивал, что благодаря ей «впервые выяснилась немного умственная натура Прудона и сущность его преобразовательных стремлений; предстала также перед нами и вся интимная жизнь Прудона, его неустанная борьба с нуждой и неудачей, его железный характер, все признаки его тинического склада» (с. 155). С названными печатными источниками, очевидно, и была знакома Суражеская.

9

А. П. Хитров — Достоевскому

26 декабря 1876 г. Белград

1876 г. декабря 26 дня.
Белград.

Дорогой Федор Михайлович!

Не могу Вам выразить, как тяжело теперь чувствуется в Сербии русскому...

Боже! С каким восторгом, с какой надеждою на лучшее будущее ступили мы на сербскую землю назад тому три—4 месяца...¹ А теперь!.. Право, тяжело даже ноги переставлять, и это по той же самой земле, на которой когда-то мы и ног под собой не чувствовали... Боже мой, как трудно переживать нам это убийственное время — время оплевания *всего*, что только дорого всякому русскому, понимающему, что так называемая «политика» есть не что иное, как «механика» затирать, оттирать, оплевывать, душить, мёртвить... всё русское, всё славянское, и всё это делать под самыми благовидными именами, в самых благовидных формах...²

Для меня Сербия сделалась святою землею... Я болен, я заболел безнадежно, потому что Сербию оскорбляют все, — и старые враги, и недавние друзья, и не видать конца, когда перестанут оскорблять ее... А за что?! Все обвинения, все толки про Сербию, про сербские нравы и про характер и т. д. — всё это выведенного

яйца не стоит... Право, так!³ Я с омерзением читал кн. Мещерского, этого почтенного человека, который, непростительно предавшись духу времени и проехав от Белграда до Делиграда, только и нашелся, чтобы поговорить о «ненужных вещах» да прибавить несколько плевков... (в ту плевательницу, в которую, боюсь, скоро чуть ли не вся наша журналистика обратится)...⁴ Да, я боюсь этого. Многие уезжают отсюда, прямо заявляя, что они (с удовольствием это говорят) также непременно долгом считают, приехав в Россию, послать сербам несколько плевков... Как это па руку «политике», врагам славян, всему буржуазному Западу!!!! Подвизайтесь, старшие братья, па этом милом прище, за что и заслужите от наших детей достойное... отвращение, если не презрение. Федор Михайлович! Постановите па секунду Россию па место Сербии и вообразите себя сербом. Что бы почувствовали?! Поймите, что должны чувствовать истинные сербы, сербы лучшие, образованные, патриоты. Разве нет у Сербии таковых?! Стыдно русским, понимающим хоть сколько-нибудь чужое горе, поступать так, как поступают некие мои соотечественники. Некоторые чуть не становятся на высоту русского солдата-добровольца, который недавно ходил по улицам Белграда и грозно кричал: «Разнесу я эту Сербию на мелкие корочки!!! в прах обращаю, потому никакого уважения...»⁵ В России кричат: «Сербы трусы! Сербы пальцы только умеют простреливать!!!»

Какой в самом деле ужасный факт! Как его объяснить — это, подождем, сделает недалекое будущее, поостывшее время, когда будет говорить не одно чувство, а и... голова. Для меня этот факт... Я и в истории редко находил такого печального факта... «Война за свободу!»... Движение «заснувшей» Руси, в которой чувствовалось что-то необычное, и в избах курных, и в дворцах даже... Все ждало, что вот-вот заря займется... Вся Европа встрепенулась, увидев необычное явление на Востоке... «А! Вот оно что... Просыпается славянство... Пришел, верно; его день... Значит, открывается новая, еще невиданная, страница истории»... Так думалось, втайне, на Западе. И вдруг! Сербы пальцы простреливают! Фу!.. Тут наши ахнули! А знаете что?! И сербы дрались! Спросите, как дрались *граничары*,⁶ как дралась *ужицкая* пригода.⁷ Хорошо! Все почти в один голос говорят, что сербы, живущие на границе, дрались хорошо. Это факт. А что он говорит? Он объясняет, по-моему, *дело*, если не совсем, то, по крайней мере, наполовину... Да, я убежден, что черных, постыдных мотивов у сербов не было, когда они рубили, стреляли себе руки... Тут были мотивы, действительно, грустные и жалкие... да, действительно жалкие, над которыми нужно плакать, сербов жалеть... Трагедия!.. У серба, когда он вышел па турок, злобы против врага оказалось так мало, что поздно уже было травить его против врага. С другой стороны, в сербе выказалась такая любовь к своей тихой и полной скромных благ *куче*, что

она его тянула, точно магнит. Да, серб, этот «новый афинянин», вышел бороться против врага такого же,⁸ против какого и древний афинянин боролся... Ах! Что же он не имеет такого мужества?! Чего же недостает сербу?? *Многого*. У афинянина было в голове много, много понятий, которых не позаботились дать сербу. Тысячелетняя история вырабатывала понятия эти у грека; тысячелетняя история воспитывала свободу, за которую так мужественно дрались «великие граждане древнего мира». Да, там были *граждане*, а тут — *селяки*, недавно еще кое-как вывернувшиеся из-под⁹ грубого деспотизма и нашедшие наконец *свободу*... в своей теплой и уютной *куче*!.. Им в *кучах* сделалось так хорошо, так приятно.*

Их варвар не трогал, наконец, в этой *куче*, и они полюбили свою *кучу*; серб был столь доволен новой, безопасною жизнью... в *куче*, где теперь он сделался хозяином! Турок его не трогал, он безмятежно предался наслаждению *кучею*, полным *матерьялизмом кучным* (1), не знавшим больше ничего на свете... Ах! Я так понимаю серба! Чем больше бываешь в *кучах* и в каких *концах* Сербии ни бываешь — всюду видишь *кучу*, всюду видишь *кучный матерьялизм* серба. (Я ходил достаточно по Сербии.)⁸

Федор Михайлович. Знаете, что всего для меня ужаснее? Это *status quo* относительно вассальных отношений Сербии к Порте. Будь проклята Европа, буржуазная, алчная Европа, если она это сделает!!! Знаете, как это *status quo* должно действовать на сербских патриотов?! *Убийственно*. Вассальные отношения к Порте... Да разве это не позор «цивилизации»? Какал это цивилизация? Война против этой цивилизации, война непримиримая!⁹ Венгры — вот те прямо говорят (и австро-немцы), что уничтожение вассальных отношений невыгодно для них. По трактатам, в Порту (следственно), и в Сербию как часть) они везут все свои произведения бездано, беспоплипно; они торгуют в Белграде, по всей Сербии, гроша не платя, но пользуясь дорогами, мостами, караулом и т. д. Они убивают всякий зародыш сербской фабричной и заводской производительности... Это всё значит: целость Порты, вассальные отношения, святость договоров, трактатов... и т. д. Позор!!! Пожальства, ратуйте. А я не поеду в Россию!

Будущий славист, студент А. Хитров.

Простите за неряшливость такую в письме.

Адрес: Belgrad. Профессору Семену Ивановичу Бимбичу,¹⁰ передать Ал<ександру> Петр<овичу> Хитрову.

³ Далее было: как

⁶ Было: из рук

* Прежде не давал турок покою.

На обороте:

Федор Михайлович!

Не будете ли добры, не пришлете ли № «Дневника» по адресу: Belgrad. Профессору Семену Ивановичу Бимбичу. Передать Александру Петровичу Хитрову. Буду благодарен и сочтусь.

Не пойдет ли что из этого письма в «Дневник»?¹¹
Я теперь так расстроен, чисто с ума сошел. Буду писать.¹²

Ваш, Вас уважающий и любящий искренно
студент А. Хитров.

Печатается по подлиннику: ИРЛИ, ф. 100, № 29886.ССХ16.12.

Хитров Александр Петрович — студент, принимавший в качестве добровольца участие в борьбе за освобождение сербского и черногорского народов от турецкого ига в 1876—1877 гг., читатель «Дневника писателя». Других сведений о нем пока собрать не удалось.

Об отношении Достоевского к борьбе за освобождение славян и русскому добровольческому движению см.: Волгин И. Л. Нравственные основы публицистики Достоевского (восточный вопрос в «Дневнике писателя»). — Изв. АН СССР. Сер. лит-ры и яз., 1971, вып. 4, с. 312—324; ср.: Фридлендер Г. М. Достоевский и Лев Толстой. (К вопросу о некоторых общих чертах их идейно-творческого развития). — В кн.: Достоевский и его время. Л., 1971, с. 85—86.

¹ Воодушевление, с которым отправлялась в Сербию русская добровольческая молодежь, засвидетельствовано мемуаристами. Так, О. Ф. Миллер писал: «Мы так живо помним эти летние месяцы 1876 года, когда, заодно с простыми русскими людьми, так и рвавшимися положить свою душу за своих отдаленных братьев, просились туда же с горячими слезами «...» образованные русские юноши и девушки. Мы помним, как глубоко сострадали они жертвам турецкого варварства и как бесстрашно отвечали на предостережение, что ведь и сами же они могут сделаться жертвами» (см.: Я. П. Полонский. Его жизнь и сочинения. Сб. историко-литературных статей. Сост. В. И. Покровский. М., 1906, с. 379).

² Сербско-черногорско-турецкая война началась 18 (30) июня 1876 г. Черногорцы сразу же одержали убедительные победы при Требишье и Подгорице; сербов преследовали неудачи. 17 (29) октября турки нанесли им сокрушительное поражение при Дьюинше, открыв себе дорогу на Белград. Сербия была спасена русским ультиматумом 19 (31) октября: угрожая Турции разрывом дипломатических отношений, Россия потребовала заключения перемирия в течение двух суток. Россия выступила также с инициативой созыва международной конференции. 11 (23) декабря конференция начала свою работу. Турция была предъявлены требования административной автономии для Болгарии, Восточной Герцеговины и status quo ante bellum для Сербии и Черногории. Одно из первых заседаний было прервано провозглашением турецкой конституции, уничтожавшей самодержавие султана и якобы предоставлявшей славянскому населению широкие права. Перечисленные выше пункты, либо очень мало, либо вовсе не походившие на разрешение восточного вопроса и обесценивавшие славянские жертвы в войне, турки отвергли, ссылаясь на эту конституцию (см.: История южных и западных славян. М., 1957, с. 268—269).

³ Военные неудачи отрицательно повлияли на отношение части русского общества к сербам. Много возмущенных слов было сказано об их поведении в бою при Дьюинше 17 (29) октября 1876 г. (см.: Виржевые ведомости, 20 октября, № 290; С.-Петербургские ведомости, 22 октября, № 292; Русские ведомости, 27 октября, № 271; Голос, 27 октября, № 297;

Московские ведомости, 1 ноября, № 279). * Возвращавшиеся в Россию добровольцы часто «очень невыгодно» отзывались «о сербской армии и о порядках в Сербии», рассказывали «с горечью о сербской неблагодарности, о недоверии к ним сербских офицеров и начальников, о случаях посприятных и кровавых столкновений» (Голос, 1876, 19 ноября, № 320). Сербов обвиняли в неразумном расхождении собранных в России денежных средств, в трусости и равнодушии к судьбам своей родины (см., например: Каразип Н. Русские в Сербии. — Новое время, 1876, 26 октября, № 238; корреспонденция Д. Гирса в «С.-Петербургских ведомостях» (1876, 8, 9 и 19 ноября, № 309, 310 и 320); Максимов Н. Из сербской войны (рассказ добровольца). — Виржевые ведомости, 1876, 12 декабря, № 343; Лихачева Ел. Из Сербии. — Отечественные записки, 1876, № 10; Незлобин А. В Белграде и на позиции. — Русский вестник, 1876, № 12). В русской журналистике, безусловно отдавшей немалую дань «разгорающейся после каждой несчастной войны страсти осудить самыми тяжкими обвинениями всех и вся» (Голос, 1876, 17 ноября, № 318), было, однако, достаточно выступлений, решительно отводивших попытку, отулье охавая сербов, целиком возложить на них вину за плачевный исход войны. В них содержались объективные объяснения «невиновности» сербов, весьма сходные с рассуждениями А. П. Хитрова на этот счет (см., например: Токмачев А. И. Два эпизода из битв 16 и 18 сентября. — Новое время, 1876, 25 октября, № 237; передовая статья «С.-Петербургских ведомостей», 1876, 27 ноября, № 328; Вл-п М. Из воспоминаний добровольца. — Русские ведомости, 1876, 9 декабря, № 311, и др.).

⁴ Серия очерков В. П. Мещерского «На пути в Сербию и в Сербии» была опубликована в «Гражданине» (1876, № 30—42) и вышла отдельной книгой (Правда о Сербии. Письма князя В. Мещерского. СПб., 1877) в начале декабря 1876 г. (см.: Голос, 7 декабря, № 338). Мещерский писал о сербской молодежи, уклоняющейся от военной службы, о кушачах, которые «русских грабят немилосердно» (Гражданин, 1876, 18 октября, № 32—33), об «интриге» против генерала М. Г. Черняева сербского военного министерства (там же, 1 ноября, № 36—37). Встречу с сербскими солдатами он описывал так: «Одни шли с подвязанными руками, ибо были солдаты, прострелившие себе пальцы, другие шли просто домой, без всякого отпуска, а так себе, потому что скучно было и хотелось домой «...» поразило нас то равнодушие, с которым и молодежь, и взрослые, и старики говорят об этой войне». По поводу «подвязанных рук» сербы объяснились «добродушно и просто»: «Нет, — вмешался хладнокровно другой парень, — я знаю, отчего эти рапы: это они сами себе простреливают, чтобы уйти домой» (там же, 8 ноября, № 38—40). По мнению Мещерского, сербский народ, никогда не принимавший участия в политической жизни, чуждый каким-либо гражданским понятиям, обнаружил совершенную неподготовленность к той сложной ситуации, в которой оказался: «Народ не может даже постигнуть, из-за чего это бедствие где-то в Сербии происходит: нравственные побуждения войны, честь, патриотизм, услуга угнетаемым братьям — для него понятия или чувства несуществующие». Таким образом, в своем отношении к сербам Мещерский исходил из формулы: виновны, но заслуживают снисхождения. «... Сербия не трусы! — писал он. — Сербия — пастухи и земледельцы, поставленные в военный строй, и больше ничего. «...» Чувство, которое побуждает серба стрелять себе в пальцы «...» по трусости, а непреодолимая тоска по дому...» (там же). Корреспондент же Достоевского, также пишущий о сербах лишь как о «селяках», по не как о «гражданах», считал в принципе невозможным за что-либо порицать их.

⁵ После Дьюинского разгрома оставшимся в живых русским добровольцам надо было добраться до Смедерева на Дунае, а затем до Белграда. «Ни военное начальство, ни гражданские власти не позаботились ни о пра-

* Здесь и далее в выходных данных русских газет указываются либо старый стиль, либо оба стиля.

вильной организации походного движения добровольцев, ни о снабжении их <...> хотя бы хлебом» (см.: Гейсман П. Славяно-турецкая борьба 1876—77—78 гг. и ее значение в истории развития восточного вопроса. Мысли, воспоминания и впечатления. Ч. I. СПб., 1887, с. 150). Находясь в это время в Сербии Г. И. Успенский в корреспонденции «От Белграда до Парачина и назад» писал: «...волны народа, напиравшего в Парачин со всех сторон, бурлили как в омуте, и никто не знал, куда идти, что делать, куда ехать <...>. Слышались ругательства, в грязи валялись пьяные добровольцы и проклинали свою участь. <...> Пьянство, холод, скука, злость, глупость, голод, дождь — все это слухивалось в нечто поистине невыносимое, мучительное до последней степени...» (С.-Петербургские ведомости, 1876, 12 и 19 ноября, № 343, 320; см. также: Успенский Г. И. Полн. собр. соч. т. IV. Л., 1949, с. 387—389; ср.: Гирс Д. Из Белграда. — С.-Петербургские ведомости, 1876, 8 ноября, № 309). Неудивительно, отмечал Г. И. Успенский, что «все возвращающиеся с поля битвы раздражено, оскорблено, обижено...» (см.: Г.-В. Из Белграда. (Письмо певосного человека). — Отчественные записки, 1876, № 12, с. 472). Раздражение искало выхода — и результатом этого были безобразные драки в кофейнях, ругань, скандалы. Уже в октябре 1876 г. сербский военный министр «собрал всех русских волонтеров и просил их не закидываться в Белграде» (см. корреспонденцию Г. И. Успенского в «С.-Петербургских ведомостях», 1876, 15 октября, № 285; см. также: Успенский Г. И. Полн. собр. соч., т. IV, с. 373).

⁶ О мужестве «граничаров» см. у П. А. Висковатова, автора «Писем из Сербии»: «...те, которые живут ближе к турецкой границе и лучше знакомы с турками, стоят твердо — спросите, как дерутся люди на пограничных округах, те, которым приходится непосредственно защищать кучи свои...» (Голос, 1876, 9 сентября, № 249).

⁷ В Сербии, кроме постоянной армии, получавшей вооружение, обмундирование и продовольствие от казны, существовало народное войско, формировавшееся по административным округам (пропорционально численности населения). Ужичкий округ, находившийся на западе страны, выставил двенадцать батальонов, три сотни конницы, одну батарею, одну роту саперов, санитарное отделение, взвод хлебопек и мясников. Народное войско Ужичкого округа (вместе с вооруженными силами Вальевского и Чачакского округов) составило Яворский корпус действующей армии (см.: Бобринков Г. И. В Сербии. Из воспоминаний о войне 1877—1878 гг. СПб., 1891, с. 41—43). О храбрости ужичских бригад, сражавшихся под командованием генерала Новоселова, см. корреспонденцию «Голоса» (1876, 22 октября, № 292). Первостепенное значение имел, однако, не западный театр войны, а юго-восточный, где против главных турецких сил действовала армия под командованием генерала М. Г. Черняева.

⁸ «Основное звено в составе и организации племени» в Сербии и Черногории составляет большая семья — куча (кућа). «Если говорится „куча“, то тут разумеется и дом, и земля, и скот — в общем «всякое имение» (см.: Ровинский П. Черногория в ее прошлом и настоящем. Т. II, ч. 1. СПб., 1897, с. 191—192). Подробное описание сербской кучи дано в кн.: Овсянны Н. Сербия и сербы. СПб., 1898, с. 160, 166—167. О «кучном материализме серба» см. также у Г. И. Успенского: «...его „куча“ <...> для него все. Один долго живший здесь русский характерную черту серба пазвал мне „любовью к мужицкому кейфу“, любовью к телу, покою и удовольствию своей норы...» (С.-Петербургские ведомости, 1876, 15 октября, № 285; см. также: Успенский Г. И. Полн. собр. соч., т. IV, с. 372) — и у П. Висковатова: «...он рвется назад, в свою милую „кучу“ <...> и понял, что значат эти несчастные, тоскующие лица, подавленные настоящею постальгией по родному крову» (Голос, 1876, 9 сентября, № 249).

⁹ После обнародования турецкой конституции 12 (24) декабря 1876 г. переговоры на Константинопольской конференции зашли в тупик. 3 (18) января созданный султаном большой национальный совет оконча-

тельно отклонил требования европейских держав (см.: Фелькнер А. Славянская борьба 1875—1876. Исторический очерк восстания балканских славян, черногорско-сербско-турецкой войны и дипломатических сношений с июля 1875 по январь 1877 г. СПб., 1877, с. 320—332). Мир между Турцией и Сербией был заключен 16 (28) февраля 1877 г. на основе положения, существовавшего до войны.

¹⁰ С. И. Бимбич — лицо неустановленное.

¹¹ Письмо А. П. Хитрова нашло отражение в «Дневнике писателя». Достоевский, однако, отнесся к молодой восторженности «будущего слависта» несколько скептически: «Я <...> особенно запомнил одно письмо от одного юного русского, который <...> пишет о сербах с восторгом и с негодованием на то, что в России находится-де люди, думающие про них, что они трусы и эгоисты. Восторженный русский эмигрант даже извиняет членовредительство сербских солдат <...> это, видите ли, они до того нежный сердцем народ, до того любят свою „кучу“ <...> что бросают всё, уродуют себя <...> чтобы <...> поскорей воротиться в свое милое гнездо! Представьте себе, я эту нежность сердца понимаю, и весь этот процесс понимаю, и, уж конечно, в таком случае это слишком нежный сердцем народ, хотя — хотя это в то же время довольно туповатые дети своей отчизны <...>. Действительно, слишком во многих, может быть, сербских сердцах это страдание по родному гнезду своему не возвысилось до страдания по родине...» (Дневник писателя, 1877, февраль, т. I, § 2). «Нежность сердца» и «тупость соображения», считал Достоевский, не вполне объясняют членовредительство и побег с поля битвы: главная причина состоит в том, что «низшие сербы» сами себя считают «ни во что, за пылинку». Произнося свое «прощальное слово об этой сербской войне», писатель подчеркивал, что приниженность «сыпа кучи», над которым тяготеют «четыре века рабства», с одной стороны, и явно враждебное отношение к России «высшей сербской интеллигенции», одержимой «политическим честолюбием», с другой стороны, — два в равной мере важных препятствия для русско-сербского сближения, являющегося лишь вопросом времени (хотя и довольно длительного) (ср. примеч. 1 к письму 7).

¹² Позднейшие письма А. П. Хитрова к Достоевскому неизвестны.

10

В. Ф. Соловьев — Достоевскому

15 февраля 1877 г. Динабург

Динабург, 15/2 77 г.

Прилагая при сем купон в 2 руб. 50 коп. от билета вн<утреннего> с влиг<рышем> займа с. 18509/47, имею честь покорнейше просить Вас, Федор Михайлович, о высылке «Дневника писателя» на 1877 год по следующему адресу:

По С.-П<етер>б<ургско-В<итебской> ж<слезной> д<ороге>.

Станция Динабург.

Смотрителю топлива

Виктору Фокеевичу Соловьеву.

Р. S. При этом, пользуясь настоящим случаем, не могу удержаться, чтобы не обеспокоить Вас и от себя, и от многих других мне подобных невежд, не знающих иностранных языков — но

тем не менее поклоняющихся литературным трудам некоторых русских писателей, а в числе их и Вашим и даже *дорогого* кн. В. Мещерского — одним вопросом?

Неужто так-таки ничего хорошего — истинно русского — и нельзя написать без вклейки целых строк заграничных каракулей, хотя и в скобках, но тем не менее для многих, если не для большинства, положительно непонятных. Графчику-то, а то, пожалуй, и князьку-то можно бы и извинить, потому он всё же князь, хотя и Мещерский, хотя и народу понятный. У него и книжечки подороже... Но встречать эти непонятные для нашего брата каракули и у Вас — как-то обидно.

Пожалуйста, не откажите и в февральском дневнике сообщить о состоянии здоровья Некрасова.¹ Ежедневные газеты нередко размазывают на своих столбцах мало кому интересную брань и сплетни, но о таких вещах, как болезнь дорогого всем русским поэта, не говорят. Вот если бы получил насморк какой-либо Краевский — ну тогда дело другое.

Крестьянин Новгородской губернии
В. Соловьев.

Печатается по подлиннику: ИРЛИ, ф. 100, № 29858.ССХ16.11. На лицевой стороне конверта помета Достоевского: «Кочегар. Французские слова».

Соловьев Виктор Фоклевич — крестьянин Новгородской губернии, работавший кочегаром на станции Динабург. Письмо В. Ф. Соловьева Достоевскому от 1 февраля 1878 г. опубликовано: Русская литература, 1974, № 1, с. 160—161.

¹ В начале 1875 г. Н. А. Некрасов был смертельно болен. Прочитав «Последние песни» умирающего поэта, Достоевский откликнулся на них в январском выпуске своего «Дневника писателя» за 1877 г. Достоевский рассказал здесь о своей первой, знаменательной для автора «Бедных людей» встрече с поэтом, определившей его дальнейшую судьбу (гл. II, § 3). К итоговой оценке Некрасова Достоевский обратился в декабрьском выпуске «Дневника» за 1877 г. после смерти поэта, последовавшей 27 декабря 1877 г. (8 января 1878 г.) (гл. II).

11

Л. Ф. Суражевская — Достоевскому

7 апреля 1877 г. Петербург

Многоуважаемый Федор Михайлович,

Я, конечно, не знала Вашей обстановки, когда решалась беспокоить Вас письмом моим, но я была рада, что забыла подумать об этом, потому что иначе я ведь не получила бы Вашего ответа. Теперь же, несмотря на то что от Вас самого знаю, как это трудно Вам отвечать на вопросы каждого анонима, снова решаюсь утруждать Вас, и даже весьма серьезно. Что

если б Вы попробовали прочесть эту книжку?¹ Быть может, есть у Вас когда-нибудь свободная минута, а мне так близка и интересна участь книжки. Это первые попытки авторские не мои, но сестры моей. Я никого не знаю, к кому бы я могла обратиться, но если и Вам это невозможно, то на нет ведь и суда нет.

Затем, конечно, я не умею даже сказать Вам, как я благодарна за то, что Вы захотели ответить на прежнее письмо мое. Теперь я его больше бы не написала.

Элес.

1877 года. 7 апр(еля).

Угол Николаевской и Звенигородской, д. 80/20, кв. 2.
Любови Филипповне Суражевской.

Печатается по подлиннику: ИРЛИ, ф. 100, № 29863.ССХ5.11.

На оборотной стороне конверта помета Достоевского: «Элес. Аноним, справиться. Книжка, Лида». См. также письмо 8.

¹ О какой книжке идет речь, не установлено, возможно, автором ее была сама Суражевская.

12

А. Порфирьев — Достоевскому

5 июня 1878 г. Казань

Казань.

5 июня 1878 г.

Милостивый государь Федор Михайлович!

Глубокое уважение к Вашей личности, к Вашему таланту, а равно уверенность в Вашей искренней, горячей любви к родине и понимании настоящей бурной и сложной эпохи, позволяют мне обратиться с несколькими строками и отнять несколько минут Вашего дорогого времени.

В последнем № «Дневника писателя» (декабрь 1877 г.) Вы, заявляя о приостановке издания «на год или на два», при этом заметили, что, быть может, выпустите 2 и 3 №№ и в нынешнем году.¹ Появления этих условно обещанных выпусков мы (знакомый мне кружок студентов Казанского университета) ожидали с большим нетерпением, особенно последние два-три месяца. До сих пор, однако, не дождалось.² Последнее обстоятельство нас и огорчает и изумляет. Изумляет, потому что в последние 2—3 месяца совершилось столь много важного, столь неожиданного по своей внезапности, явились столь великие знамения грядущего совершиться, что мы не находим объяснения, почему талантливый, понимающий переживаемую эпоху писатель не высказывает о совершившихся великой важности фактах своего слова.

Ваше молчание нас огорчает, поэтому что очень и очень для многих необходимо слышать Ваше слово об жгучих вопросах чреватого изумляющими явлениями времени. Темы представляются бесконечно богатые и разнообразные: восточный вопрос в его нелепом позорящем Россию положении,³ поворот в деятельности социализма (неужели же в самом деле наука — ведь отчасти продукт же науки — социализм — будет бороться такими средствами с породившим его фактором — обществом, да и мыслима ли такая борьба между этими столь тесными деятелями — наукою и обществом?),⁴ потрясающие внутренние события — дело Засулич,⁵ киевская история, московская,⁶ последовавшие за тем правительственные репрессалии,⁷ общее чувство недоверия, опасения чего-то грозного в будущем, царящее повсюду в обществе, — всё это такие предметы, о важности которых не мне, конечно, Вам говорить, всё это такие явления, о которых *могущий* должен сказать свое слово. И мы ждем от Вас этого слова; скажите его *вовремя*, и велика будет благодарность к Вам многих.

Студент Казанского университета, юрист

А. Порфирьев

от лица многих студентов.

На концерте:

В С.-Петербурге.

Его высокоородию

Федору Михайловичу Достоевскому.

Греческий проспект, около Греческой церкви,

д. Струбинского, кв. № 6.

Печатается по подлиннику: ИРЛИ, ф. 100, № 29822. ССХ16.9.

Порфирьев Александр Алексеевич (ум. 1879) — студент (с 1874 г.) Казанского университета (см.: Михайловский А. И. Преподаватели, учившиеся и служившие в императорском Казанском университете (1804—1904 гг.). Материалы для истории университета. Ч. I, вып. 2. Казань, 1904, с. 795).

¹ В октябрьском выпуске «Дневника писателя» за 1877 г. (гл. I, § 1) Достоевский писал: «По недостатку здоровья <...> я решаюсь, на год или на два, прекратить мое издание. <...> С декабрьским выпуском издание окончится». В декабрьском выпуске (гл. II, § 5) он ответил на многочисленные вопросы подписчиков о том, будет ли он в будущем, 1878 г. издавать «Дневник писателя» «хотя время от времени»: «Может быть, решусь выдать один выпуск <...>. „Дневник“ я твердо надеюсь возобновить через год».

² В 1878 и 1879 гг. «Дневник писателя» не выходил.

³ Имеются в виду события, последовавшие за окончанием русско-турецкой войны. 19 февраля (3 марта) 1878 г. Россия и Турция заключили мирный договор в Сан-Стефано на довольно выгодных для балканских стран условиях. С целью лишить Россию плодов ее побед в войне и не допустить усиления государств Балканского полуострова, Англия и Австро-Венгрия, поддержавшие Германией, потребовали пересмотра условий Сан-Стефанского договора на международном конгрессе. Военные приготовления держав (частичная мобилизация в Австро-Венгрии, маневры английского

флота), дипломатический нажим, тяжелое состояние русских флотов и армии, означавшее полную невозможность для России начать новую войну против союза четырех держав, вынудили ее дать согласие. Берлинский конгресс открылся 1 (13) июня. Ему предшествовали переговоры с Англией, предпринятые Александром II, чтобы не оказаться в полной изоляции: России пришлось санкционировать разделение единой Болгарии, лишение ее выхода к Эгейскому морю и отказаться от части своих завоеваний в Азии (Лондонский меморандум 30 мая 1878 г.). Ярким примером (относящимся, правда, к несколько более позднему времени, чем данное письмо) острого выражения чувств гнева и стыда, охвативших русское общество, когда конгресс начал свою работу, является речь И. С. Аксакова, произнесенная 22 июня 1878 г. в Московском Славянском благотворительном обществе: «...еще недавно в самом Петербурге, с флагами, пением народного гимна на улицах, с торжественным молебном и пальбам из Петропавловской крепости, праздновалось официальное обнаружение Сан-Стефанского договора <...>. Но если все это было, возможно ли же быть тому, что есть, что творится *теперь* там, на конгрессе <...>. Ты ли это, Русь-победительница, сама добровольно разжаловавшая себя в побежденную? <...> Западные державы <...> нагло срывают с тебя победный венец, преподносят тебе взамен шутовскую с гримасками шапку, а ты послушно <...> подклоняешь под нее свою многострадальную голову!» (см.: Аксаков И. С. Собр. соч. Т. I. Славянский вопрос. 1860—1886. М., 1886, с. 298—299).

⁴ Возможно, имеются в виду покушения Геделя (29 апреля (11 мая) 1878 г.) и Нобилинга (21 мая (2 июня) 1878 г.) на германского императора Вильгельма I. «Правительственный вестник» в своих сообщениях об этих событиях (2 (14) мая, № 97, и 23 мая (4 июня), № 115) подчеркивал, что и Гедель, и Нобилинг были связаны с социал-демократическими кругами. Вскоре стало известно, что германская социал-демократическая партия с возмущением отреклась от «преступников». Несмотря на это, 16 (28) мая (№ 133) «С.-Петербургские ведомости» писали, что отречение германских социал-демократов от Геделя «ничего еще не доказывает» и ссылались на статью в «National Zeitung», где утверждалось, что именно «предводители социальных демократов прежде всего должны нести <...> ответственность» за деяния Геделя и Нобилинга (31 мая (12 июня), № 148). Бисмарк воспользовался этими фактами как предлогом для введения против социал-демократов исключительного закона. Возможно также, что в письме идет речь об отказе от пропаганды в народе и о повороте к террору в деятельности революционеров-народников на юге России. Возглавил новое направление В. Осинский. Он напел сторонников в лице Д. Лизогуба, Г. Попко, М. Фроленко, братьев Ивичевичей; петербургские народники не разделяли его взглядов. 23 февраля 1878 г. эта группа организовала в Киеве покушение на товарища прокурора киевского округа Котляревского, 25 мая — убийство жандармского офицера Гейкинга и, наконец, подготовила дерзкий и успешный побег из тюрьмы Стефановича, Дейча, Бохановского. Все террористические акты сопровождалась раскатистой прокламацией с печатью Исполнительного комитета Русской социально-революционной партии (см.: Деборский-Мокрицкий Вл. Воспоминания. СПб., 1906, с. 318—335, 352—359).

⁵ 24 января 1878 г. В. И. Засулич стреляла в петербургского градоначальника Трепова, выразив своим поступком протест против бесчеловечного обращения с политическим заключенным Боголюбовым, подвергнутым телесному наказанию по личному приказу Трепова. Точка зрения Достоевского на дело Засулич была им высказана незадолго до начала процесса в беседе с писателями в так называемом литературном «почти клубе» (книжном магазине М. О. Вольфа): «...Наказание тут неуместно и бесцельно... Напротив, присяжные должны бы сказать подсудимой: „У тебя грех на душе <...> но ты уже искупила его, — иди и не поступай так в другой раз“» (см.: Либрович С. Ф. На книжном посту. Воспоминания, записки, документы. Пгр.—М., 1916, с. 42). Писатель присутствовал

в зале суда и, по свидетельству Г. К. Градовского, высказался в таком же духе, добавив, однако: «Нет у нас, кажется, такой юридической формулы, а чего доброго, ее теперь возведут в героиню» (см.: Градовский Г. К. Итоги. (1862—1907). Киев, 1908, с. 8—9, 18). Как известно, суд присяжных 31 марта 1878 г. оправдал Засулич. Процесс всколыхнул все слои общества: «Рассказ Засулич тронул все сердца. <...> Тяжело, как от пытки, стыдно от сознания, что подобные варварства могут совершаться над русским народом <...> да еще во время войны за освобождение братских народов от турецкого ига! Довольно <...> пора положить предел беззаконию и создаваемому им недовольству. Таковы чувства и мысли <...> накопившиеся во время судебного следствия» (там же, с. 17). Достоевский был свидетелем восторга, с которым оправдательный приговор был встречен публично в зале и тысячной толпой, ожидавшей окончания процесса у здания суда (см.: Герценштейн Б. Тридцать лет тому назад. (Из воспоминаний доктора). — Былое, 1907, № 6/18, июнь, с. 251—257). В своей записной книжке писатель отметил прозвучавшие на процессе слова Засулич: «... тяжело поднять руку пролить кровь» — и дал им свою оценку: «... это колебание было нравственное, чем само пролитие крови» (Биография, письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского. СПб., 1883, с. 372).

⁶ В связи с покушением на Котляревского (см. примеч. 4) в Киеве был арестован студент, друзья которого потребовали его освобождения на поруки. В результате возникли серьезные волнения в университете, продолжавшиеся весь март. 150 студентов было исключено, а 30 человек из них высланы административным порядком в отдаленные губернии (см.: Тун А. История революционных движений в России. Изд. 4-е. М.—Пг., 1924, с. 153—154). 3 апреля 1878 г. 15 киевских студентов прибыли в Москву и были встречены на вокзале московскими студентами. Толпа сопровождала кареты с арестованными в пересыльную тюрьму. Возле Охотного ряда торговцы с криками «Бей изменников белого царя!» пабросились на студентов. «Правительственный вестник» расценил побоище, прекращенное лишь после появления генерал-губернатора, как «ответ русского простого народа на скандал „избранной публички“ 31-го марта (в день оправдания Засулич, — Т. Л.) в Петербурге» (Правительственный вестник, 1878, 6 (18) апреля, № 77). В связи с этими событиями группа студетической молодежи обратилась к Достоевскому с письмом. В ответе писателя от 18 апреля 1878 г. «охотничье избиение» объяснялось как «разрешение старинного недоразумения между народом и обществом». По мнению Достоевского, молодежь, несмотря на то что она как никогда искренна, чиста сердцем, не найдет пути к народу, пока не поймет, что нельзя пытаться делать ему добро, презирая «все его обычаи и его основы», предлагая ему лекарства, «на его взгляд, дикие и бессмысленные».

⁷ После процесса В. И. Засулич был изменен порядок судопроизводства по политическим делам: они больше не подлежали компетенции общих судов и перешли в ведение либо местных судебных палат с участием сословных представителей, либо особого присутствия Сената; была расширена также «область специальной подсудности так называемых государственных преступлений» (Московские ведомости, 1878, 25 мая, № 132). В начале июня министр юстиции граф К. И. Пален был заменен Д. Н. Набоковым, занявшимся «очисткой» судебного ведомства. Усилились административные кары, направленные против печати; начались повторные аресты причастных к «процессу 193-х», прежде оправданных или отпущенных под надзор полиции. Повальные обыски, высылка в северные губернии, ничем не мотивированное продолжительное предварительное заключение стали обычным явлением.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Аверкиев Д. В. 194, 279.
 Авсеенко В. Г. 194.
 Азадовский М. К. 213.
 Азеф Е. Ф. 222.
 Аксаков И. С. 176, 178, 179, 321.
 Аксаков К. С. 44, 176—178.
 Александр II 205.
 Александров М. А. 191.
 Алексеев М. П. 160.
 Алеш М. 266.
 Алчевская Х. Д. 127, 193.
 Альгрэн Э. см. Бспедиктссон В.
 Альтман М. С. 51—56.
 Апатьев А. 262.
 Андерсон Ш. 212.
 Анджеевский Е. 256.
 Анненков И. А. 119.
 Аншфельд Е. А. 263.
 Анциферов Н. П. 54.
 Апт С. 138.
 Арагон Л. 212.
 Арбан Д. 19—29.
 Арденс Н. П. 214.
 Аристов П. 51.
 Арри Ж. 249.
 Арсеньев А. 305, 306.
 Архипова А. В. 199—207.
- Байрон Д.-Г. 126.
 Баласогло А. П. 171.
 Бальзак О. де 65, 89, 90, 246, 248, 249, 294, 295.
 Бандровский Ю. 256.
 Барбюс А. 211, 212.
 Барсуков Н. П. 179.
 Барч-Иван Ю. 261.
 Бахрив Ал. И. 297, 298.
 Бахрив Ан. И. 297, 298.
 Бахтип М. М. 5, 6, 11, 19, 48, 75, 76, 89, 131, 135, 137, 139, 149, 160, 161.
- Белецкий А. И. 47, 132.
 Белинская М. В. 70, 71.
 Белинский В. Г. 51, 72, 151, 167—174, 186, 190, 264—266.
 Белье Г. 242.
 Белов Е. А. 200, 205.
 Белов С. В. 159.
 Белье А. 169, 217—224.
 Бельчиков Н. Ф. 169, 175.
 Бенедиктссон В. 271.
 Бенкендорф А. X. 69.
 Бергман Я. 275.
 Беренг В. 255.
 Бехер И. 212, 215.
 Бжозовский Ст. 254.
 Блинкис Я. С. 164—168.
 Бимбич С. И. 313, 314.
 Бисмарк О. 321.
 Битюгова И. А. 191—198.
 Биццелли П. 38, 40.
 Блок А. А. 147, 217, 226.
 Блудова А. Д. 181.
 Боборыкин П. Д. 307, 310, 311.
 Бобриков Г. И. 316.
 Бове О. 69.
 Богуславский И. 51.
 Бодлер Ш. 250.
 Бой-Желеньский Т. 255.
 Боткин В. П. 51.
 Бохановский И. В. 321.
 Бочаров С. Г. 13, 49, 145—153, 294—296.
 Бошер Ж. 251.
 Брандес Э. 272.
 Броневский В. 255.
 Бронте Ш. 279.
 Буало Н. 160.
 Вуданова Н. Ф. 236—244.
 Бурсов Б. И. 232.
 Быков П. В. 302, 303.